

БАРНАУЛ

[9 сентября 1905 года]

В ПОЛУВЕРСТЕ ОТ СЕВЕРНОЙ ОКРАИНЫ

Большинство старых сибирских городов возникло как остроги – Тюмень, Тобольск, Томск, Омск, Красноярск, Иркутск. В этом длинном ряду Барнаул стоит особняком – он изначально был заводом, а не крепостью. Акинфий Демидов – второй в роду крупнейших российских промышленников, счёл место на реке Барнаулке удобным для строительства сереброплавильного завода: здесь был лес и была вода. Заводской посёлок рос быстро и вскоре обогнал Колывань, недолгий период главенствовавшую на юге Западной Сибири.

Барнаул в начале XX века

Город строился по плану, походя в этом на Санкт-Петербург, а не вырастал стихийно вокруг военного гарнизона, как другие поселения Сибири. Первые жилые дома Барнаула были, в основном, деревянными. Строили их из

стандартных шестиметровых брёвен на прямоугольных участках, нарезанных под постройку. Материал был одинаковым, строительство типовым, элементы декора стандартными, кварталы соразмерными – прямо не посёлок во глубине сибирских руд, а идеальный немецкий городок. Впрочем, русские пожары мало что оставили от того цельного деревянного мира середины XVIII века.

Извозчик ничуть не удивился, когда я нанял его ехать в переселенческие бараки в полуверсте от северной окраины города. Даже как-то сочувственно посмотрел на меня и сказал:

– Что, барин? Совсем горькая довела? Ничего, и тебя вылечат!

Я не оскорбился: в начале XX века на северную окраину Барнаула стекались запойные пьяницы со всей Сибири. Там, в пустыющих по случаю войны с Японией переселенческих бараках, обосновался гипнотизер Лев Львович Оноре. Он лечил гипнозом от алкоголизма и некоторых других болезней. Сказывали, что лет ему около пятидесяти, родился в семье французского пианиста и русской певицы, чин – действительный статский советник. Несмотря на то, что врачебного образования отставной ротмистр не имел, ажиотаж вокруг его лечебных методов стоял невероятный! Безо всякого телевидения он добился в стране большей известности, чем в наше время Кашпировский и Чумак вместе взятые.

– Главное, барин, – рассказывал извозчик, – вам билетик успеть получить. Очередь за ними начинают с ночи занимать! Ровно в шесть начинается выдача билетов, бывает до ста восьмидесяти человек в день господин Оноре излечивает! После лечения вы волшебное письмо не забудьте получить. Многие про то не ведают, а с письмом – ежели снова на горькую потянет – сами справитесь.

Про чудодейственные визитки гипнотизера Оноре я слышал. Он ставил на листе бумаги собственную подпись, заряжая её энергией, подобной тому, как в конце XX века Чумак заряжал банки с водой, поставленные старушками перед телевизором. Затем эти визитки в конвертах вручались выздоровевшим пациентам с указанием в случае возвращения болезни вынуть карточку и вслух прочитать подпись. Журнал “Сибирский наблюдатель”, купленный мной вчера в Барнауле, пишет: “Был случай, что один больной, получивший такую карточку, выйдя на улицу, не утерпел и, вынув из конверта ее, посмотрел и заснул стоя, собрав этим около себя любопытную толпу. Сон продолжался десять минут, по прошествии которых субъект проснулся и подвергся любопытным расспросам толпы”.

Амбулатория господина Оноре оказалась двумя бараками, где на деньги Красного креста поставлены шесть десятков грубо сколоченных кроватей с тощими соломенными матрасами. Так как на расспросы и диагнозы у гипнотизера времени совершенно нет, больные сами пишут свои диагнозы на листках бумаги и крепят эти бумажки к спинкам коек. Когда все улягутся, в палату входит гипнотизер и, переходя от больного к больному, бесконечно повторяет:

– Спать, спать, спать...

Большинство действительно засыпает. Тогда Оноре идёт обратно, читает рукописные диагнозы и “приказывает” болезням отступить, а заснувшим больным – вылечиться. После чего обходит всех ещё раз, призывая проснуться. “В промежутках между переменами партий, – пишут газеты, – г. Оноре едва удается напиться чаю и пообедать”.

Только в этом году с марта по сентябрь через его амбулаторию прошло 886 алкоголиков (говорят, что до 75% их перестают пить). Всего же он дал в Барнауле уже более 23 тысячи сеансов, излечивая (по словам самого отставного ротмистра) истерию, неврастению, параличи, малокровие и женские болезни.

Увы, с насморком, подхваченным мной на холодном обском ветру, знаменитый гипнотизер управиться не смог. Зато я своими глазами посмотрел на далекого предшественника Кашпировского. В следующем году бараки вновь понадобятся переселенцам, и Оноре со своими гипнотическими сеансами переедет сначала в Томск, затем в Иркутск, Красноярск, Уфу и так доберется постепенно до Санкт-Петербурга, открыв лечебницу в доме №12 по улице Почтамтской. С каждым переездом его известность будет расти, как и перечень излечиваемых болезней – в их число войдут и “помешательство от несчастной любви”, и “эротический бред”, и многое другое. Газеты будут пестреть заголовками вроде “Немая девочка начала говорить”. При этом числиться действительный статский советник будет по-прежнему чиновником Переселенческого управления. В конце концов, столичные врачи подадут на гипнотизера в суд, который – удивительное дело! – 12 ноября 1910 года Льва Львовича оправдает благодаря ловкости адвоката, доказавшего, что Оноре исцеляет не гипнозом (что в России было запрещено без диплома врача), а “внушением наяву”. Врачи не успокоились и подали апелляцию, но та была отклонена.

Кстати, Саша, знаешь ли ты, что посёлок Оноренский Седельниковской волости Тарского уезда Тобольской губернии, назван в честь героя этой истории?

По крайней мере, такую версию я слышал. Сам же Лев Львович умер в Петрограде в 1917 году в возрасте 61 года.

Комментарии:

[Дотошный]: Так я не понял, он шарлатан или нет?

[Водила]: Я так мыслю: нет дыма без огня. Какие-то способности Оноре наверняка имел. Сейчас вот говорят: Чумак, Чумак... А я его фотку на стекло фуры приклеил – и двенадцать лет ни одной аварии! А потом кто-то содрал, и в тот же день я в столб въехал. Вот и думайте сами.

[Гена Алтайский]: Верьте всяким шарлатанам! Я брал в библиотеке книжку Чумака почитать – смех один. Вот вам отрывок, как он коров лечил: “Несколько десятков коров в Шапове страдали маститом, воспалительным заболеванием молочной железы, – их решили полечить с моей помощью. В Подмоскovie ездить ради такого дела мне не хотелось – я порекомендовал смазывать вымя больной коровы заряженным мною кремом и всякий раз при этом слегка водить моей фотографией вдоль туловища больного животного. Коровы не только выздоровели, но и дали повышенные надои молока!». Водить фоткой под выменем коровы! Я ржал в голос.

[Пчёлка]: А как книжка называется?

[Гена Алтайский]: “Тем, кто верит в чудо”.

[10 сентября 1905 года]

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОНН ЗЕЛЁНОЙ ЯШМЫ

Случилось мне перед отплытием в Камень наткнуться в книжной лавке на сочинение статского советника Павла Ивановича Небольсина под названием “Заметки на пути из Петербурга в Барнаул”. Чтение оказалось на редкость увлекательным и дало немало пищи для размышлений. Рассматривая древние сооружения, мы поражаемся циклопическим размерам пирамид, и с недоверием относимся к рассказам о том, как в старину люди перевозили на сотни или тысячи километров огромные камни. Между тем, в Сибири такое можно было увидеть совсем недавно, каких-нибудь двести лет назад. Примером тому служит Колыванская ваза, выставленная в одном из залов Эрмитажа. Вес её – девятнадцать тонн! И привезена она была в Петербург из Барнаула в сороковые годы XIX века, когда ещё даже железных дорог в Сибири не было, не говоря уже об автомобилях или авиации.

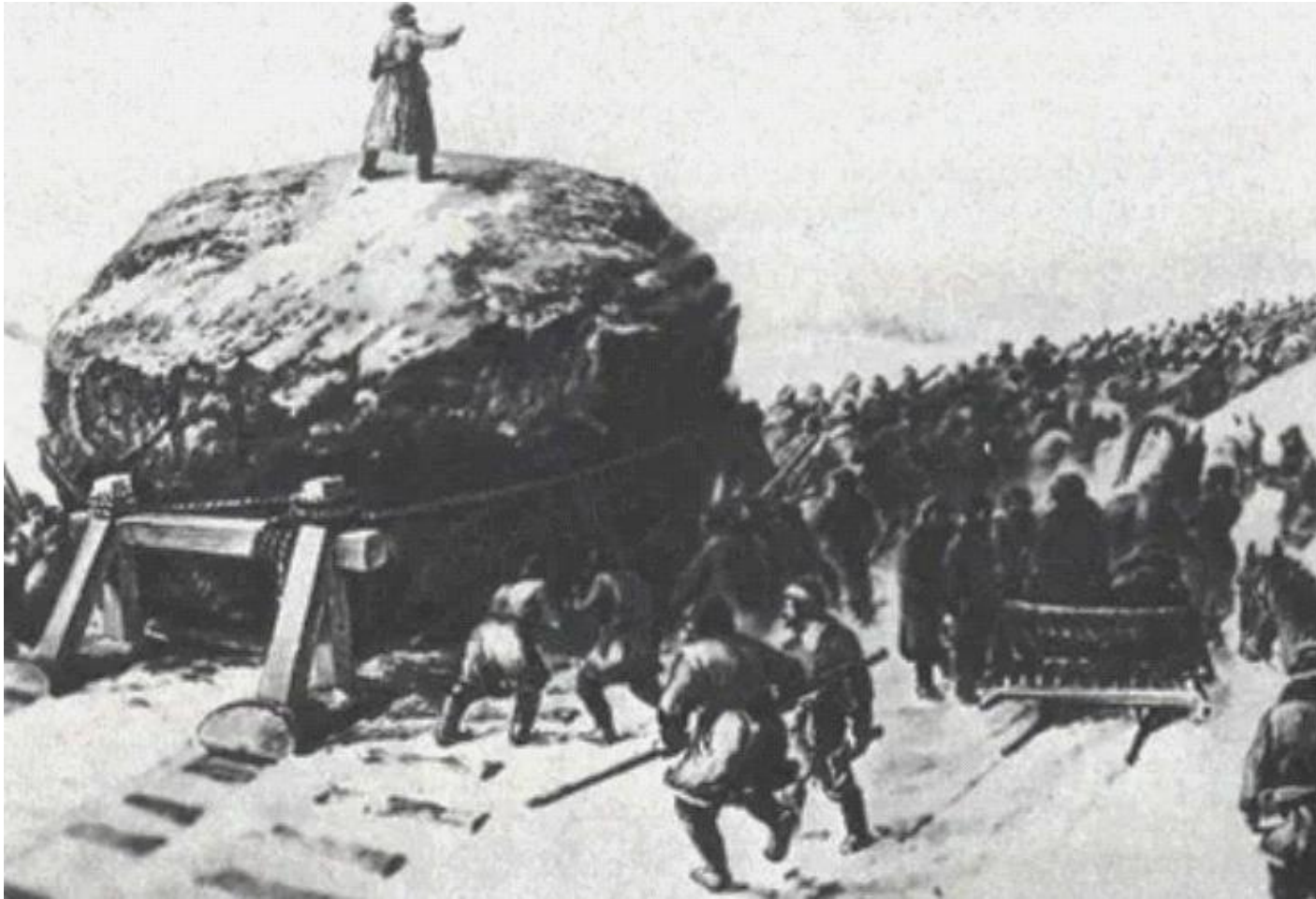
“В 292 верстах к югу от Барнаула, – пишет Небольсин, – при реке Белой, есть небольшое поселение, домов в полтораста с народонаселением около тысячи душ обоего пола. Это Колыванская шлифовальная фабрика. В 35 верстах от этой фабрики высится знаменитая Ревнюха, богатая яшмовыми ломками. В 1815 году от нее отторгнут был прекрасный кусок зеленоволнистой яшмы. По огромности куска его не могли доставить на фабрику”.

Откуда взялась здесь яшма? Миллионы лет назад на территории Западной Сибири располагался океан, в водах которого извергались ещё не остывшие вулканы. Их горячий пепел смешивался с разноцветными оксидами железа и

марганца, цветным илом, минералами и солями. Остывшая и затвердевшая, эта смесь образовала особый самоцвет – яшму. И теперь перед растерянными каменотесами шлифовальной фабрики лежала гигантская глыба фантастически красивого пёстрого камня. Они откалывали куски для изготовления больших ваз, но на камень такого размера не рассчитывали. Что было делать? Разбивать на мелкие куски – жалко, перевезти на фабрику ни водой, ни лошадьми невозможно. Доложили о случившемся по начальству: мол, так и так, в тридцати пяти верстах от фабрики лежит громадина, которую лошади с места сдвинуть не могут. Михаил Сергеевич Лаулин, управляющий фабрикой, как раз строил корпус для изготовления “колоссальных вещей”, а потому решил сделать чертёж и отослать его в столицу, царю Александру I. Дела в начале девятнадцатого столетия велись неторопливо, а потому ответ пришел только глубокой осенью 1820 года, когда на Алтае уже лежал снег. Царь прислал проект архитектора Мельникова с приказом сделать по нему чашу и доставить её в столицу. В Сибири тоже не спешили, и работы начались лишь в начале 1828 года, когда Александр I уже три года как оставил этот бранный мир. Существует, правда, легенда, что ему надоело царствовать и он отправился в Сибирь под именем старца Кузьмы, поселившись в Томской губернии.

Для того, чтобы обработать многотонную глыбу яшмы, её следовало оттащить к каменотёсному сараю и поднять над землёй. Двести тридцать мужиков дотащили будущую вазу до места за восемь суток и подняли на метровую высоту, уложив подпорки. Два года сотня мастеров занималась первичной обработкой монолита. Наконец, настало время транспортировать яшму на фабрику. Пять с лишним сотен сибиряков, словно древние египтяне на строительстве пирамид, волокли по алтайской земле многотонную глыбу камня. На фабрике глыба задержалась на долгих одиннадцать лет, пока мастера создавали из неё гигантскую чашу, полировали поверхность и наносили орнамент. Наконец, в феврале 1843 года, чаша отправилась через Барнаул в Петербург. Время было выбрано не случайно: в гигантские сани впрягли полторы сотни лошадей (на некоторых участках количество лошадей достигало ста восьмидесяти), которые с трудом тянули этот невиданный груз по снегу.

“Почти месяц, – сообщает в своей книге Небольсин, – везли её сухим путем до Уткинской Слободы, на Чусовой, и без малого четыре месяца она шла водой до Петербурга”. Плоты спустились вниз по течению Чусовой до Камы, а затем Кама вынесла их в Волгу. Здесь, на стрелке двух рек, груз ожидали бурлаки – дальше путь лежал против течения реки.

В различных источниках это изображение подписывается как “Доставка глыбы из яшмы на Кольванскую фабрику”

Через семнадцать лет поэт Некрасов сочинит:

“Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик –
И сердце дрогнуло во мне”.

Ещё через тринадцать лет Илья Репин напишет знаменитую картину “Бурлаки на Волге”. Великий князь Владимир Александрович, купив её и повесив в бильярдной, назовёт рисунок прошлым России. Бурлаков вытеснит паровой двигатель и грузовые пароходы, но в 1843-м году до этого было ещё далеко. Выбываясь из сил, меняясь, останавливаясь на короткий отдых, чтобы

съесть скудную трапезу, они тащили вспять течению алтайскую чашу, не ведая кому и зачем она понадобилась.

Когда неподъемный груз доставили в Санкт-Петербург, никто не знал, что с ним делать: чаша оставалась на барже у Аничкова моста. Затем её выгрузили рядом с Эрмитажем, где в ожидании постаментов она простояла ещё четыре года. Лишь в 1849 году семьсот семьдесят (!) столичных рабочих с огромным трудом втащили гигантский экспонат в проезд здания Нового Эрмитажа и подняли на постамент.

Комментарии:

[Дотошный]: А от Оби до Питера как?

[Игорь Маранин]: По рекам. Чусовая – Кама – Волга – приладожские каналы – Нева.

[Вика из Пединститута]: А ещё гигантские колокола возили! Они были гораздо тяжелее этой вазы. Годуновский колокол весил 33,6 тонны и висел на колокольне в Москве половину столетия, пока не раскололся из-за сильного пожара.

[31 января 1911 года]

НИКАКОЙ ТЕРПИМОСТИ!

Ранним утром 15 января 1911 года в Барнауле был предотвращён террористический акт. На углу Конюшенного переулка и 3-й Алтайской улицы, на парадном крыльце дома терпимости Абдуловой бдительный господин обнаружил снаряд в форме полого железного цилиндра диаметром в полтора вершка. С обеих сторон снаряд был герметически закупорен, но на одном из доннышек просверлено отверстие, куда вставлен самодельный фитиль из белой вязальной бумаги, и этот фитиль уже тлел! История не сохранила ни имени смельчака, затоптавшего фитиль, ни объяснений, что он делал ранним утром на крыльце данного заведения, но благодаря его усилиям взрыв не состоялся.

Прибывшая к месту происшествия полиция вскрыла самодельную бомбу и обнаружила внутри чёрный порох и горючую серу. Барнаульским детективам понадобилось несколько суток, чтобы найти и арестовать несостоявшуюся террористку. К удивлению местной публики, ею оказалась не фанатичная блюстительница чистоты нравов, а прямая конкурентка г-жи Абдуловой – содержательница аналогичного заведения Елизавета Никитична Четыркина.

Рассказом об этом драматическом происшествии я завершаю свои маленькие очерки о Барнауле и отправляюсь в Камень.

Комментарии отключены.

[Фузя]: удалено.

[Тузя]: удалено.

[Бузя]: удалено.

[Вика из Пединститута]: Да отключите вы комментарии!

[Игорь Маранин]: Отключил.

Автор – Игорь Маранин